

Глава 1

Нижегорск, наши дни

Дмитрий Лихута, молодой черноволосый парень двадцати семи лет, известный психолог в городе Нижегородске, вышел на крыльцо Центра психологии, потянулся и вдохнул полной грудью. Начальник Центра, Денис Всеволодович, все же выгнал его в отпуск, как он ни сопротивлялся. И с чего это шефу взбрело в голову, что его подчиненные должны догуливать оставшиеся дни? И вообще, на дворе не лето, а март месяц. Чем прикажете заниматься? Вот на любимой работе время летит незаметно, и ты, можно сказать, отдыхаешь, и не нужно никакого отпуска. После этой мысли на смену пришла другая, и молодой человек улыбнулся. Гулять ему, правда, не тридцать, а всего-навсего десять дней, те законные десять дней, которые он не догулял летом, прибежав на работу раньше времени. Дмитрий хмыкнул, вспомнив, как директор, увидев его в июле после поездки на море, где молодому человеку неожиданно-негаданно пришлось расследовать убийство приятеля своего деда, сощурился:

— Что, наотдыхался?

Лихута пожал плечами:

— Наверное, если я здесь.

Денис Всеволодович сначала удивленно поднял брови, а потом скривился:

— Бред какой-то. Иди и не показывайся до конца отпуска. Не буду врать, приходили твои пациенты, но я всех разогнал. И тебе не скажу, кто приходил, чтобы ты ненароком не назначил им свидание.

Психолог переминался с ноги на ногу.

— Ну, что стоишь? — гаркнул начальник — он имел на это право, между прочим, целый доктор наук. — Испарись, я сказал.

Тогда он проявил силу воли и остался на работе, но Денис Всеволодович все же настоял, чтобы его подчиненный использовал полагавшиеся ему десять дней весной. Дмитрий сначала не возражал, но на следующий день ему позвонила пациентка, и он, конечно, помчался в свой кабинет. Начальник сперва рассвирепел, а потом сменил гнев на милость.

— Отпуск придумали не зря, — сказал он. — Мне известно, чем ты занимался на море. Это не отдых. И поэтому я настаиваю, чтобы ты отключился от работы сейчас. Десять дней пролетят очень быстро, уж поверь мне. С твоими пациентами ничего не случится.

Лихута решил последовать его совету. Что ж, начальство право, с его пациентами ничего не случится, сложных случаев, требовавших его присутствия, нет, и ему действительно здесь нечего делать. Здесь нечего... Он лениво спустился со ступенек и пошел в сторону остановки. Допустим, здесь ему нечего делать. А что же делать дома? Летом, перед поездкой в Приморск, Лихута расстался со своей девушкой, Лилей, которая требовала, чтобы он занялся частной практикой. Только вернувшись из города, где он помогал проводить расследование убийства друга своего покойного деда, Дмитрий остро почувствовал одиночество. Его потянуло позвонить Лиле, чтобы просто услышать ее голос, но он собрал все свои силы и отшвырнул телефон в сторону.

— Черт с ней!

— Черт с ней, — повторил Лихута и сейчас, через полгода, шагая к остановке. Лиля Лилей, а заняться действительно нечем. Не лежать же в кровати целыми днями. И к морю не поедешь. Ну какое море в марте!

Как бы в подтверждение его слов, серая туча, с утра висевшая над городом, брызнула дождем. Молодой человек

нырнул под навес на остановке, опасаясь ливня, и принял терпеливо ждать маршрутку. Как назло, ее долго не было. Телефон в кармане куртки зазвонил в тот момент, когда он принял решение поехать на троллейбусе.

Дисплей высветил незнакомый номер.

— Я слушаю вас!

— Это Дмитрий Лихута? — поинтересовался глухой мужской голос.

— Точно так, — отозвался психолог.

— Вам удобно говорить?

— Говорите, — ответил парень и приготовился слушать. Он обрадовался незнакомому звонку. Наверняка это был очередной пациент, и это давало возможность с завтрашнего дня приступить к работе — по уважительной причине. Мужчина немного помедлил, прежде чем продолжить:

— Меня зовут Борис Дмитриевич Истомина.

— Так, — не стал спорить психолог. Это имя ему ни о чем не говорило.

— И мне нужна ваша помощь.

«Точно, пациент по рекомендации», — мелькнуло в голове, и Лихута сказал:

— Давайте встретимся завтра в Центре, если моя помощь не нужна вам немедленно.

— Подождите, — перебил его незнакомец. — Выслушайте меня, я вас умоляю. Мне рекомендовала вас Инна Яблокова.

Дмитрий наморщил лоб:

— Инна Яблокова? Из Приморска?

— Да, Инна Яблокова, — повторил Истомина. — Недавно вы помогли расследовать убийство ее отца — Сергея Сергеевича Рыбакова.

— Было такое дело, — согласился молодой человек.

— Инна считает вас очень хорошим специалистом, который по жестам, снам и психологическим тестам способен многое рассказать о человеке, в том числе сде-

лать вывод, является ли он убийцей, — продолжал Борис Дмитриевич, — а я ей верю. Мне тоже нужна помощь такого рода.

У Дмитрия вспотели ладони:

— Вы хотите поручить мне расследование?

— Если вы не против. Мне нужно узнать причину смерти самого близкого человека.

— Надо подумать. — Лихута сел на скамейку под навесом. — Если вам удобно по телефону ввести меня в курс дела, я во внимании.

— Информацию обо мне вы можете найти в интернете, — начал Истомин. — Я бизнесмен, у меня своя сеть магазинов. С Рыбаковым мы пересекались по банковским вопросам, поэтому я неплохо знал Сергея Сергеевича. Это был хороший человек, и я никогда не пойму, почему Саша решил свести с ним счеты.

— Возможно, сказала психотравма, полученная в детстве, — вставил молодой человек. — Многие мотивы убийств можно отыскать именно там.

— Не буду спорить, — отозвался Борис Дмитриевич. — Жаль парня, но я надеюсь, он сделает выводы, когда выйдет из тюрьмы. Инна заверила меня, что не оставит его в беде. Впрочем, давайте поговорим о моей проблеме. — Он тяжело вздохнул: — Видите ли, мы с покойной женой Ниной прожили долгую и счастливую жизнь, но Бог не дал нам детей. Когда нам было по сорок лет, мой родной брат Геннадий умер от рака. Мерзкая болячка, правда? Здоровый молодой мужчина буквально сторел за несколько месяцев. Его супруга Марина пережила брата всего лишь на год — ишемическая болезнь сердца, переживания, знаете ли. В общем, мой племянник Виктор остался сиротой, и мы взяли его к себе. Вите тогда исполнилось десять. Мы с Ниной привязались к нему как к родному. Когда Ниночка впала в диабетическую кому, он ухаживал за ней так, как редкий сын ухаживает за матерью. После ее смерти я находился в депрессии и ничего не соображал. Племянник

взял на себя все заботы о похоронах. Стоит ли говорить, что он остался самым близким мне человеком? — Истомин перевел дух. — Прошло два года, и я стал вводить его в бизнес. Вы не представляете, сколько ценных идей подал мне Витенька, — мужчина вдруг всхлипнул как-то по-детски. — И вот его нет...

— Ваш племянник погиб? — поинтересовался Лихута. Дмитрий уже понял, что предприниматель поручит ему выяснить обстоятельства смерти племянника — иначе зачем ему психолог вроде него?

— Нет, он покончил с собой — повесился, и это странно. — Психолог чувствовал, как на том конце человек задыхался от волнения и пытался взять себя в руки. — Выяснить причину — к сожалению, единственное, что я могу для него сделать. Прошу вас, не возражайте.

— Полиция расследовала это дело? — спросил Лихута.

— Расследовала и ничего не нашла, — признался Истомин. — Следователь не захотел верить, что у Вити не было никаких причин покинуть этот мир, и плел какую-то чепуху вроде того, что полностью вопрос суицида не изучен. Бывали случаи, когда человек ставил чайник, готовил ужин, а потом прыгал с третьего этажа.

— Это он преувеличил, хотя и не совсем, — вставил Дмитрий.

— Бог с ним, — не стал спорить предприниматель. — Мне важно, чтобы вы приехали и покопались в этом деле. Я скажу вам кое-что еще, но не по телефону, чтобы не отнимать свое и ваше время, если вы побоитесь приехать.

Психолог улыбнулся. Его немного покорибила последняя фраза. С чего это ему бояться?

— Ладно, назначайте время и место встречи.

— С удовольствием, — обрадовался Борис Дмитриевич. — Послезавтра жду вас в Мидасе.

Дмитрий потерял дар речи:

— Мидас? Это что, Крым?

— Именно, — подтвердил Истомин. — Ехать до Крыма от вашего города, насколько я знаю, не так долго. Но поверьте, у меня предчувствие какой-то опасности, и, чтобы избежать ее, я должен узнать причину гибели Вити. Во всяком случае, так мне кажется. Ну как? Приедете?

Лихута размышлял всего несколько секунд. Кажется, эта поездка спасет его от скуки и одиночества.

— Да, я приеду.

— Вот и отлично. — Лихуте показалось, что он вздохнул с облегчением. — Берите билет на автобус до Керчи.

— Идет, — поддакнул психолог. — Сейчас я отправлюсь за билетом и вечером позвоню вам.

— Я обязательно встречу вас в Керчи, — сказал Борис Дмитриевич.

— Хорошо, — согласился психолог. Он уже точно знал, что поедет и будет расследовать загадочное дело. Правда, если оно действительно загадочное. Иногда все же случаются самоубийства, как говорят, на пустом месте, а безутешные родственники не хотят верить, что близкий человек покончил с собой без посторонней помощи. Впрочем, это редкость. И тут Истомин прав.

— Так до встречи? — в голосе мужчины слышалось сомнение.

И Дмитрий поспешил его заверить:

— Да, до скорой встречи. Я постараюсь взять билет на завтра.

— Обязательно позвоните, — напутствовал его собеседник.

— Обязательно, — заверил его Лихута. Закончив разговор, он бросил равнодушный взгляд в сторону Центра и произнес: — Вот нашлось дело и без твоей помощи.

Здание равнодушно взирало на него темными окнами, словно говоря: собственно, никто и не возражает.

— Ну и отлично. — Психолог поднялся с лавочки, увидев нужную ему маршрутку.

Глава 2

Поселок Ла Сельва, 557 год н.э.

Две девочки-подростка — одна невзрачная, худенькая блондинка с длинным невыразительным лицом, вторая — с густыми смоляными волосами, тонкими, будто выточенными чертами и соблазнительной, но еще угловатой фигуркой — пробирались через лес, прыгая через толстые корни старых елей и поддевая медную хвою носками деревянных башмаков. Лес становился все гуще и гуще, чаща — темнее и темнее, крики каких-то птиц и животных, раздававшиеся, казалось, за каждым кустом, пугали.

— Может, повернем домой? — предложила блондинка и посмотрела на спутницу испуганным взглядом. — Ты уверена, что нам следует идти дальше, Фредегонда?

Черноволосая бестия, обещавшая стать красавицей года через три, посмотрела на подругу с презрением:

— До чего же ты трусливая, Мария. Если так боишься, ступай домой. Я говорила, что хочу посмотреть на колдунью.

— Но зачем она тебе? — Мария приложила руки к маленькой груди.

— Если ведьма не такая страшная, я поговорю с ней, — сказала девочка. — Я уже сто раз заявляла, что хочу быть знатной и богатой, как королева. Если она сможет мне помочь, буду очень рада.

Мария хмыкнула:

— Неужели ты считаешь ее такой всемогущей?

Фредегонда улыбнулась:

— Помнишь, что говорил о ней старый Бертран из хижины на окраине? Она навела порчу на семью Жираков, у них умер ребенок и погиб скот, а лет пять назад, разозлившись на наших мужчин, ведьма наслала ураган на деревню, и он погубил все посевы, помнишь?

Мария поежилась:

— Как не помнить... Такого дождя и ветра я в жизни не видела.

Черноволосая зеленоглазая Фредегонда остановилась и подняла вверх тонкий пальчик:

— А все потому, что рябой Жан грозился ее убить.

— И убил бы, если бы она не ушла на болота, — буркнула Мария. — Впрочем, так говорят, но ее давно никто не видел.

Фредегонда наклонила хорошенькую головку:

— Если ее найдут, то сожгут на костре.

— И поделом. — Блондинка нахмурилась: — Разве тебе не известно, что все ведьмы знают с дьяволом?

— Если дьявол мне поможет, я буду поклоняться ему, — отозвалась Фредегонда, и Мария вздрогнула:

— Ты серьезно? Ты не боишься Бога?

Зеленоглазая покачала головой:

— Нет, не боюсь. Я молилась с самого рождения и не видела ничего хорошего. Мои родители — простолюдины, рабы, с малых лет отнявшие мечту жить весело и богато. Так что, если в этом мне поможет дьявол, я скажу ему спасибо.

— И попадешь в ад, — заметила подруга, но Фредегонда отмахнулась:

— Пусть. Это будет еще не скоро. Смотри, уже начинают болота.

Лес как будто просветлел, деревья, тесно сплетавшиеся вершинами и корнями, словно раздвинулись, давая проход в самую заповедную чащу. Во влажном воздухе витал какой-то ядовитый терпкий запах, почва противно хлопала под ногами. Казалось, в этом царстве нет никого, кроме двух девочек: птицы внезапно умолкли, лишь надрывно квакнула одинокая лягушка. Марии стало страшно, так страшно, что она была готова бежать куда глаза глядят.

— Говорят, на болотах водится дух, — прошептала она, — который затягивает в трясины одиноких путников. Фредегонда, бежим.

Черноволосая фыркнула:

— Вот еще! Я никуда не собираюсь бежать.

Болота привлекали ее своей таинственностью, они жили неведомой, ни на что не похожей жизнью, обещали приключения. Прыгая по зеленым кочкам, девочка вдруг радостно захлопала в ладоши:

— Мария, смотри: здесь мост.

Подруга осторожно приблизилась к ней. Среди зеленых стеблей какого-то болотного растения виднелись старые, почерневшие бревна. Фредегонда, как птичка, порхнула по ним и вдруг исчезла в зарослях:

— Иди сюда, Мария.

Блондинка с опаской догнала подругу. Болото будто сохлось, стало меньше, и девочки увидели хижину. Возле большого котла, в котором кипело какое-то вонючее варево, сидела старуха в лохмотьях. При виде ее даже черноволосой стало не по себе. Она схватила подругу за руку и нырнула в траву.

— Сиди тихо.

Ведьма вдруг поднялась с пенька и стала вглядываться вдаль, смахивая с морщинистого лица пепел, летевший от тлевших дров.

— Кто здесь, выходите! — вдруг произнесла она надтреснутым голосом, и девочкам стало не по себе. — Выходите, я не причиню вам зла.

Подруги боялись пошевелиться. Огромный черный кот, выбежавший из хижины на голос хозяйки, вдруг кинулся в траву, и девочки с криками выскочили из своего укрытия.

— Я знала, что вы здесь. — ведьма приближалась к ним с улыбкой, приглаживая длинные седые, необыкновенно густые волосы. — Что вы здесь делаете?

Мария хотела ответить, но язык будто прилип к нёбу. Фредегонда смело вышла вперед и улыбнулась в ответ:

— Это я хотела тебя увидеть. Ты действительно можешь сделать что угодно?

Ведьма ухмыльнулась:

— Смотря что ты хочешь. Впрочем, знаю. Ты красива, умна, но простолюдинка, а это значит, что тебе никогда

не стать королевой. А ты мечтаешь о королевском троне, сытой, спокойной жизни и богатстве, верно?

Девочка дернулась. В ее глазах застыли удивление и испуг. Она не ожидала, что эта седовласая женщина так точно сформулирует ее потайные желания.

— И ты пришла сюда, чтобы я тебе в этом помогла. — Ведьма улыбнулась, обнажив неожиданно крепкие белые зубы-подковки. — Что ж, пожалуй, я смогу тебе помочь. Только у меня к тебе один вопрос. Всем известно, что подобные мне общаются с дьяволом. Готова ли ты продать ему свою душу?

Фредегонда смутилась. Вспомнились набожные мать и отец, с почтением относившиеся к церкви и ее служителям. Отречься от Бога — правильно ли это? Не покарает ли он за такой опрометчивый поступок? Девочка хотела было ответить отрицательно, забыв свое недавнее бахвальство перед подругой, но перед глазами замелькали другие картины — картины беспросветной нищеты, — и она кивнула:

— Мне тоже об этом известно. Недаром тебе подобных сжигают на кострах. Но я ничего не боюсь. Если мне поможет дьявол — что ж, так тому и быть.

Услышав ее слова, Мария побледнела и в ужасе застыла как статуя. Колдунья вдруг захохотала, и вслед за ее смехом раздался удар грома. Засверкали молнии, озарив на мгновение самые потайные уголки леса, но, к удивлению подруг, хляби небесные не разверзлись проливным дождем, и ведьма подняла руки:

— Он услышал тебя.

Зеленые глаза Фредегонды засверкали, заискрились, будто дьявол уже вселился в нее и управлял всеми ее поступками.

— Я готова.

Ведьма удовлетворенно кивнула:

— Теперь он с тобой. Подожди здесь.

Она скрылась в хижине. Мария подошла к подруге и обняла ее:

— Что ты сделала?

— Всего лишь призвала дьявола в помощники, — на лице Фредегонды читалась радость. — Возможно, перед тобой будущая королева.

Мария покосилась на ее грубое, штопаное-перештопаное платье:

— Не говори ерунды. Тебе никогда не стать королевой.

— Посмотрим.

Старуха вышла из хижины, что-то держа в руках, и направилась к девочкам.

— У меня для тебя подарок, Фредегонда. — Она разжала пальцы, и подруги увидели простенькое медное колечко в форме трилистника. Ведьма протянула его Фредегонде:

— Держи. Можешь сейчас надеть на палец.

Кольцо казалось большим, но, когда черноволосая натянула его на безымянный палец, оно пришлось впору, будто неизвестный мастер снимал с него мерку.

— Никогда не теряй его, и твои честолюбивые желания исполнятся.

Девочка прижала руки к бьющемуся сердцу:

— Не потеряю.

Старуха захохотала, ее смех понесся, покатился по чащобе, и внезапно на болота белой пеленой упал туман, скрыв с глаз и хижину, и черного кота, и хлипкую болотную жижу. Девочки очнулись на большой поляне, почти в начале леса, и закурили головами, не понимая, что произошло. Мария хлопала белесыми ресницами:

— Скажи, нам это приснилось? Старая колдунья, ее кот, болота. Мама говорила, что на болотах растет какая-то сон-трава.

Фредегонда провела рукой по густым растрепавшимся волосам, и в солнечном свете на безымянном пальце блеснуло кольцо.

— Нет, Мария, нам ничего не приснилось. — Она растопырила пальцы: — Видишь, колечко на месте, и это здорово. Я буду королевой.

Мария недоверчиво посмотрела на подругу:

— Я бы на твоём месте не была так уверена.

— Ну и зря. Пойдем домой. Отец уже, наверное, меня хватил. Ну и котяра у этой ведьмы. В жизни такого не видела.

Фредегонда весело щебетала всю дорогу, а ее белесая подруга с ужасом думала, что, если все это правда, от нее нужно держаться подальше.

Глава 3

Нижнегорск, наши дни

Придя домой, Дмитрий с порога заглянул на кухню. Мама, Анна Антоновна, в прошлом учитель географии, показывавшая великолепное знание психологии (порой сын, дипломированный психолог, даже советовался с ней), радостно улыбнулась:

— Значит, с работы тебя выгнали.

— Выгнали. — Первые секунды молодой человек застыл в раздумье, соображая, говорить ли матери правду, но потом понял, что пока расстраивать ее нечем. — Мама, я догуляю эти несчастные десять дней, как ты и хотела. Но не дома.

Женщина удивленно подняла подведенные брови:

— Ты хочешь сказать, что снова куда-то отправляешься?

Дмитрий кивнул:

— Совершенно верно. На этот раз в Крым.

Она уронила ложку, которой снимала пену.

— Куда?

— В Крым, — повторил сын. — Ты не ослышалась.

Меня пригласил в гости один человек. Мне ведь ничто не мешает принять его приглашение.

Женщина продолжала стоять в недоумении. Мясной бульон, наваристый и ароматный, пустил обильную пену, но она этого не заметила.

— В Крым? Тебе предлагают там поработать?

— Ты не ошиблась.

Мать посмотрела куда-то в сторону, и Лихута понял, что она томится нехорошим предчувствием, но не хочет об этом говорить.

— Ну вот, теперь не будет прозрачным. — Женщина зачерпнула пену. — Когда вернешься?

Он пожал плечами:

— Если бы знал. Я еще не вникал в дело.

Она убавила огонь.

— Уже взял билеты?

— На автобус до Керчи, — пояснил молодой человек. — Там меня встретит некий Борис Дмитриевич. Истомин. Жить буду в его доме у моря. Разве не здорово?

Лицо женщины выразило озабоченность.

— Я так поняла: ты не знаешь человека, который тебя пригласил, — заметила она. Лихута не стал спорить:

— Лично не знаком, но это старый приятель Сергея Сергеевича. А у него в приятелях в последнее время числились только приличные люди.

— Хотелось бы надеяться, — вздохнула мать, вспомнив об убийстве старого знакомого своего отца Сергея Сергеевича Рыбакова. Совсем недавно ее сын помогал расследовать это запутанное дело.

— Вот я и надеюсь, — усмехнулся Лихута. — Мама, давай оставим сантименты. Человеку нужна помощь, и я ее окажу.

Анна Антоновна ничего не ответила, и Дмитрий, улыбувшись ей, отправился в свою комнату собирать большую спортивную сумку. Он бросил туда теплые вещи, нижнее белье и остановился возле висевшего на вешалке праздничного черного костюма. Интересно, пригодится ли? Вдруг Истомин предложит сходить в театр или картинную галерею? Почему нет? Парень протянул руку к вешалке, и вскоре аккуратно уложенный костюм лежал в сумке. Следом за ним отправились джинсы и спортивная форма с кроссовками.

— Вот теперь, кажется, все готово для поездки.

В комнату робко заглянула мама.

— Насколько я помню, путь тебе предстоит неблизкий, — сказала она. — Я сделаю твои любимые отбивные с сыром и майонезом.

— Мама, — укоризненно ответил Лихута, — сколько раз я тебе говорил, что терпеть не могу кушать в транспорте. Даже в поезде я предпочитаю ходить в вагон-ресторан, но не возить с собой жареную курицу в фольге. Ясное дело, в дороге я не стану жевать твои отбивные, хотя, спору нет, они потрясающе вкусные.

Мать не обратила на его слова никакого внимания.

— Так вот, я положу тебе отбивные, и ты скушаешь их на вокзале во время стоянок, — пояснила она. — Здесь нет ничего зазорного. Четыре с лишним часа трястись в автобусе — это не шутки. Любой проголодается. Лучше скушать мои отбивные, чем стоять за шницелем в буфете. Да и шницели там сам знаешь какие. Ими можно убить человека. Там и мяса-то натурального нет, одна химия.

— Ну ладно, — отозвался психолог и обреченно махнул рукой. — Ты же от меня не отстанешь. Готовь свои отбивные.

Мать исчезла так же быстро, как и появилась, а Дмитрий растянулся на диване и принялся думать. Что за странные предчувствия у Бориса Дмитриевича? Чего он боится? Что ему, Лихуте, вообще известно о деле, в котором он станет принимать участие? Только то, что ему предстоит выяснить причину самоубийства племянника Истомина. Дядя считает: у его любимого Вити не было причин кончать жизнь самоубийством, и его можно понять. Но считал ли так Витя — вот в чем вопрос. Это еще надо выяснить. Вообще, в последнее время ученые пришли к выводу, что суицид помолодел. По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2020 году самоубийства стали глобальной проблемой, суицид уверенно выходил на второе место в мире по причине смертности, обойдя рак и уступая только сердечно-сосудистым заболеваниям. Как сказал один известный человек — и он был с ним согласен, — самоубийство — это мольба о помощи, которую никто не услышал. Вполне вероятно, что кто-то не услышал и Витю. И необязательно дядя — кто угодно. Лихута напряг память, вспоми-

ная, какие причины для суицида выделяет психология. Их было множество. Разумеется, первой в списке шла любовь. Как известно, герои трагедии великого Шекспира, Ромео и Джульетта, покончили с собой, не видя смысла жить друг без друга. На первый взгляд кажется, что в стране таких «ромео и джульетт» неизмеримо мало, но это не совсем так. Что, если причиной самоубийства Виктора оказалась как раз несчастная любовь? Возникает вопрос, почему о ней не знал его дядя, которого парень считал отцом? Но вот как раз о чем о чем, а о любви Истомин мог и не знать. Это довольно интимно, а захочет ли кто-то пускать в свою душу пусть даже очень близкого человека? Многие не рассчитывают на хороший совет, вернее, на тот совет, который не совпадает с их желанием. Бросить девушку, не отвечающую тебе взаимностью, — такой выход из ситуации они даже не рассматривают. Что ж, эту причину ни в коем случае нельзя списывать со счетов. Лихута удобнее устроился на диване и продолжал размышлять. На втором месте причин стоял конфликт с родителями, непонимание с их стороны. Но на этом психолог решил не останавливаться. Самоубийства из-за конфликта с родными характерны для детей, реже — подростков, но никак не для взрослого молодого человека, ставшего для своего дяди всем в жизни. Что там еще говорит наука? Самоубийство из-за учебы? Но парень уже нигде не учился, он окончил вуз и помогал дяде в бизнесе. Суицид как дань моде? Уже давно считалось, что уйти добровольно из жизни — это мужественный поступок. Во многих европейских странах и в Японии молодые люди договариваются на сайтах, как и где лучше это сделать — ритуал смерти у них возведен в ранг искусства. Правда, в России все по-другому, но все же эту причину нельзя сбрасывать со счетов, по приезде нужно выяснить все о друзьях Виктора и о том, не посещал ли он сайты самоубийц. Следует еще подумать и над такой причиной, как одиночество. Оно глубоко коренится в психике неуверенных в себе, замкнутых и ранимых молодых людей. Порой они даже переживают своеобразный

феномен — «одиночество в толпе», когда их окружают толпы людей, и вроде все знакомы, и никто не желает зла, но... Такие молодые люди чувствуют себя безгранично одинокими. За этим чувством тянется и постоянная мысль о том, что никто не способен понять тебя и что с тобой вообще что-то «не так». Есть еще и психические заболевания, при которых около двадцати процентов больных пытаются свести счеты с жизнью, скажем, депрессии и неврозы, но, судя по всему, этим Виктор не страдал. Вряд ли он страдал и каким-нибудь неизлечимым заболеванием вроде СПИДа, вряд ли парень из такой семьи посещал какую-нибудь религиозную секту, адепты которой часто призывают к суициду. В своих размышлениях Дмитрий не заметил, как сгустились сумерки. Задумавшись, он забыл о времени. Счастливые часов не наблюдают. Молодой человек поднялся с дивана и отправился в гостиную. Его отец, Федор Алексеевич, уже пришел с работы и смотрел телевизор. Увидев сына, мужчина встал и пожал ему руку. Лихута в который раз подумал, что их отношениям может позавидовать любая семья.

— Привет, — сказал он отцу. — Давно дома?

— Да уж больше часа, — признался папа. — Удивляет, почему я не заглянул к тебе? Видишь ли, мама сказала мне, что ты можешь быть занят. Ведь у тебя на уме наверняка поездка в Крым. Я угадал?

— Как всегда, папа, — кивнул Лихута. — Я привык, что от вас с мамой ничего не укроется.

— Близкие люди должны чувствовать друг друга. — Отец опустил на диван. — И тут не нужно никакой психологии. Просто любовь, которая творит чудеса. Вот я предчувствую, что тебе хотят поручить расследование какого-нибудь криминала. Я прав?

Лихута пожал плечами:

— Не знаю, что и ответить. Но скрывать ничего не стану. Судя по всему, знакомый Сергея Сергеевича, обратившийся ко мне по протекции Инны, — человек богатый и влиятельный. Своих детей у него не было, и он усыновил

племянника, оставшегося сиротой. Недавно этот племянник свел счеты с жизнью. Разумеется, полиция не стала копаться в деталях, и он поручил во всем разобраться мне.

Федор Алексеевич наклонил голову:

— Допустим. Значит, этот человек думает, что причин для самоубийства у парня не было.

— Совершенно верно, — подтвердил Лихута. — Вполне успешный молодой парень с хорошим образованием, имеющий долю в бизнесе. Как у нас говорят, он был хорошо упакован. Ну зачем такому сводить счеты с жизнью?

— Тебе больше, чем кому-либо, известно, что порой этот процесс необъясним, — вставил отец. — Наверное, и этому господину в полиции сказали то же самое.

— Разумеется, сказали, — подтвердил Дмитрий. — Но Борис Дмитриевич на этом не успокоился. Ведь тяжело думать, что ты как-то не уследил или чего-то недосмотрел.

— Это верно, — согласился Федор Алексеевич и улыбнулся: — Что ж, желаю успехов в расследовании.

Сын огляделся по сторонам и принялся:

— Я бы уже чего-нибудь перекусил. Ты не возражаешь?

— Не возражаю, — усмехнулся Федор Алексеевич. — Я как раз хотел предложить тебе то же самое.

— И я хотела вам предложить то же самое, — в гостиной появилась Анна Антоновна. — Все давно готово. Марш на кухню.

Глава 4

Окрестности Ла Сельва, 558 год н.э.

Шли, даже не шли, а летели дни, но в жизни Фредегонды ничего не менялось. Она нередко выходила в поля, на заливные луга, утопая по пояс в густой изумрудной траве, и, приставив ладонь ко лбу, пристально вглядывалась в даль, стараясь увидеть всадников. Однажды черноволосая красавица услышала,

что сам король нередко приезжает сюда охотиться, загнать коосулю или зайца, и стала частенько наведываться в эти места в надежде увидеть короля Хлотаря. Ей рассказали, что у него четверо сыновей, и самого красивого, принца Хильперика, совсем еще мальчиком, не старше ее самой, женили на девятилетней красавице Аудоверде — это сообщение неприятно поразило Фредегонду, но ничего не изменило в ее целях. Как-то ей удалось наткнуться на небольшой отряд всадников. Самый юный из них, юноша лет шестнадцати, с тонкими чертами лица и каштановыми волосами до плеч, сидел в седле, как струна, и его серые глаза скользнули мимо девочки, будто не заметив. Зато мужчина постарше, лет тридцати с лишним, с острым ястребиным носом, впился в нее взглядом (Фредегонда узнала позже, что это был герцог Гульдовальд), его тонкие красные, как кровавый порез, губы сложились в похотливую ухмылку, а вскоре в ветхий домик родителей черноволосой красавицы постучали гонцы короля и сообщили, что хотят забрать девочку во дворец, в служанки королеве. Кудивлению матери, не хотевшей отпускать дочь, Фредегонда обрадовалась. Значит, пришел ее час! Если ей удастся понравиться королю, он что-нибудь придумает и женится на ней. А если не решится он, что-нибудь придумает она.

Глава 5

Нижегорск, наши дни

Отбивные матери пригодились как нельзя кстати. До Керчи автобус плелся часов восемь. Как всегда, в планы вклинился ремонт дорог, и транспорт подолгу стоял, ожидая разрешения двигаться. Когда автобус подъехал к платформе и Дмитрий вышел из салона, кто-то тронул его за плечо, он вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял высокий седоволосый мужчина лет шестидесяти с небольшим, с тонким смуглым лицом, чем-то похожий

на Сергея Сергеевича Рыбакова — такой же спортивный и молодежавый.

— Вас было нетрудно вычислить, — улыбнулся он. — Но на всякий случай я Борис Дмитриевич Истомин.

Лихута пожал прохладную руку. Водитель открыл багажное отделение.

— Ваша? — Он протянул психологу спортивную сумку. — Она очень яркая, вот почему я ее запомнил.

— Очень мило с вашей стороны, — ответил Истомин и взял Дмитрия за локоть: — Идемте. Моя машина стоит вон там.

Он подвел его к новенькому черному джипу, тоже похожему на автомобиль Рыбакова. Перехватив взгляд гостя, Борис Дмитриевич усмехнулся:

— Небось сравниваете с машиной Рыбакова? Мы специально купили одинаковые. Многие говорили, что мы вообще похожи. И вкусы у нас были одинаковые.

— И в ней так же удобно и прохладно, как в машине Сергея Сергеевича. — Психолог забрался на переднее сиденье. — Царство ему Небесное.

Истомин быстро перекрестился:

— Верно, Царство ему Небесное. Хороший мужик... был. Ну и дерьмом же оказался его внучок. Впрочем, может, как психолог, вы находите ему оправдание? — Он нажал на газ, и автомобиль плавно сорвался с места.

Лихута покачал головой:

— Никакому убийству не может быть оправданий, если только человек не невменяемый. Что касается Саши, то это вполне нормальный парень. К сожалению, с некоторых пор он стал считать деда врагом и решил свести с ним счеты.

— К сожалению, — согласился Истомин. — Но, признаюсь честно, парня все равно жалко.

— Жалко всех, кто свои молодые годы проводит в тюрьме, — заметил Дмитрий.

Борис Дмитриевич свернул с шоссе на узкую дорогу.

— Вам приходилось бывать в Крыму? — спросил он, не отрывая глаз от шоссе.

— Нет, к сожалению.

— Тогда любуйтесь природой.

Дмитрий посмотрел в окно и понял, что они постепенно спускались с горы. Вдали расстиралось море, как огромное гладкое зеркало. Эту гладь пересекали ребристые дорожки, делая поверхность живой. Лихута вспомнил, как когда-то давно ему рассказывали о таких подводных течениях. По бокам дороги-серпантина курчавился крымский лес, не особенно бедный, но и не такой богатый, как в средней полосе, разве что очень густой. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы определить: пробраться через его дебри довольно сложно.

— Мой дом стоит на берегу моря, — проговорил предприниматель. — Не удивляйтесь, но он тоже похож на рыбаковский. Сергей построил свой дом первым, а я, приехав к нему, решил, что у меня будет такой же, так он мне понравился. Теперь думаю: ну зачем мне такой огромный дом? В нем уже месяц пусто и будет пусто всегда. Витек ушел в тот мир, откуда не возвращаются. — Истомин скрипнул зубами. — Видите, все оттягивал неприятный разговор. Но это не получилось. Вы должны найти убийцу, вычислить его при помощи ваших технологий.

Дмитрий вздрогнул:

— Убийцу? Вы ведь сказали, что Витя покончил с собой.

— Ему не с чего было кончать с собой, — отмахнулся Борис Дмитриевич. — Впрочем, давайте поговорим об этом чуть позже, за чашкой чая. Я так понимаю, вы не против отобедать. У меня все готово, так что не думайте демонстрировать скромность. Вы мой гость, я небедный человек и приму вас по первому разряду. — Автомобиль свернул на дорогу, ведущую в поселок, находившийся в середине горы, и остановился возле длинного железного забора. Море по-прежнему безмятежно блестело внизу.

— Вот и мои хоромы. — Дом Истомина действительно напоминал жилище Рыбакова. Такой же трехэтажный особняк без определенного направления в архитектуре.

Борис Дмитриевич остановил машину возле ворот, вышел из салона и пригласил Дмитрия:

— Выходите. Мы приехали. У меня нет охранника и горничной, в отличие от Сережи. Охранник ничем ему не помог, как выяснилось. Я всегда считал: если тебя хотят убить, то сделают это, и даже профессионалы не спасут. Зачем же тратить на них деньги?

Лихута ничего не ответил. Он видел, сколько боли в душе этого человека. Разумеется, ему нужна помощь, и он эту помощь окажет.

Истомин открыл ворота:

— Проходите. Я приготовил вам комнату на втором этаже, возле комнаты Вити. Возможно, вы захотите посмотреть его личные вещи. Как психологу, вам это многое скажет, в отличие от меня.

Они поднялись на второй этаж, и Борис Дмитриевич толкнул дверь:

— Располагайтесь и почувствуйте себя как дома. Ну, не буду вам мешать. Я накрою стол на улице в беседке, если вы не против. Сегодня на улице тепло — в честь вашего приезда. Не возражаете пообедать на воздухе?

— Это было бы отлично.

Когда хозяин вышел, психолог бросил на пол спортивную сумку и осмотрелся. Борис Дмитриевич не принадлежал к числу тех, кто любит обставлять комнаты многочисленными предметами, пусть даже ненужными. Возле окна, из которого открывался вид на безмятежное море, стоял письменный стол с компьютером и креслом, в левом углу на тумбочке ютился плазменный телевизор. Возле дивана находился небольшой журнальный столик с гладкой полированной поверхностью. Дмитрий поставил сумку возле кровати и достал белье и полотенце. После такого утомительного переезда ванна или душ — лучшее лекарство от

усталости, это всем известно и без психологов. Набрав ванну прохладной воды, Лихута с удовольствием погрузился в нее. Дело начинало принимать новый оборот. Итак, хозяин считает, что его племянника убили. Чем же может помочь он, простой психолог? Или Борис Дмитриевич не уверен в причине смерти Виктора? Что ж, поживем — увидим. Парень вылез из ванной и тщательно, до красноты, обтерся полотенцем. От маминых отбивных остались лишь воспоминания, и под ложечкой предательски засосало. Психолог натянул старые потертые джинсы, так выручавшие его в подобных поездках, надел серую рубашку и спустился вниз. Истомин суетился возле кухонного стола.

— Все домашнее, — сказал он, увидев гостя и кивнув на тарелки, наполненные разной снедью. — Разумеется, готовить я не умею, вернее, умею делать то, что и все мужчины, хотя когда-то прекрасно кухарил. Угощать гостя яичницей с колбасой как-то невежливо. Нет, нет, не спорьте. Знаете, как я вышел из положения? Неподалеку живет женщина, которая прекрасно готовит и которой требуются деньги. Вот я и обращаюсь к ней за помощью. Правда, она предпочитает русскую и украинскую кухню, но я не возражаю. А вы?

— Тоже. — Дмитрий покосился на тарелку с салатом.

— Дождя нет, — констатировал хозяин. — На свежем воздухе еда кажется вкуснее.

— Я так понял, это все нужно отнести в беседку? — Психолог подцепил две тарелки с закусками.

— Вы совершенно правы. — Истомин подхватил кастрюлю с половником. — Нас ждет украинский борщ с пампушками и вареники с картошкой. На гарнир домашняя колбаса, запеченная картошка со сметаной и карп, тоже в сметане. Сойдет?

Лихута глотнул слюну и вздохнул:

— Боюсь, мы с вами это не осилим.

— Осилим за сегодняшний день, — уверил его хозяин. — Вернетесь с прогулки — сметете остатки, и не спорьте со мной.

— Да я и не собираюсь. — Они пошли в беседку, расположенную у забора и увитую диким виноградом, коричневые лозы которого в марте еще не покрылись зеленью. Лихута посмотрел на вскопанные грядки. Истомин перехватил взгляд гостя.

— Плодовые деревья здесь не приживаются, — пояснил он. — Вернее, их, конечно, можно было бы посадить, но тогда за ними потребовался бы очень хороший уход. Начнем с того, что сюда пришлось бы завозить землю. Была бы у меня большая семья, я бы, возможно, и занялся садоводством. Мне вполне хватает кипарисов и туй. Они вечнозеленые, источают хороший запах, кстати, полезный для здоровья, и особого ухода не требуют. Ну а эти красавицы, — мужчина показал на две довольно высокие сосны с толстыми чешуйчатыми стволами, — достались мне даром. Они уже росли, когда я приобрел этот участок. Жалко было срубить такую красоту. Не сделал этого — теперь не жалею нисколько.

Дмитрий доброжелательно улыбнулся. Борис Дмитриевич Истомин, человек добрый и открытый, ему понравился. Во время разговора он глядел собеседнику прямо в глаза, не отводил взгляд, не моргал и не запинаясь. Все это говорило о его искренности. Рассказывая, мужчина не лукавил.

— Давайте отправимся за следующей партией еды, — предложил он. — А то все остынет.

Гость не возражал.

Когда стол был полностью накрыт, Борис Дмитриевич обратился к Лихуте:

— Налетайте, молодой человек. И чтобы без лишней скромности. Давайте я вам налью борща.

Дмитрию стало неудобно:

— Ну что вы! Я и сам могу это сделать.

— Когда-нибудь, возможно, я приеду к вам в гости, — ответил хозяин, впрочем, без особой уверенности в голосе. — И вы поухаживаете за мной. А сейчас позвольте

мне. — он открыл кастрюлю, и ароматный запах ударил психологу в нос. — Видите ли, еще в глубоком детстве я научился все делать сам: и стирать, и убирать. — Мужчина зачерпнул половником борщ и налил в тарелку. — Я родился, что называется, в неблагополучной семье. Нет, моя мама не была алкоголичкой, она честно трудилась на заводе в столовой, но своего отца я не помню. Да вообще был ли он у меня, отец? Надо отдать должное матери, она сделала все, чтобы мы не чувствовали себя ущемленными: работала за троих, стараясь нас с братом одеть и обуть не хуже других. И у нее получалось. В то время мы были все равны: никакой фирменной одежды, телефонов, машин... Но когда я учился в шестом классе, она слегла с воспалением суставов. Вот тогда мне и брату пришлось туго. Мама подсказывала, как приготовить то или иное блюдо, и мы с братом кухарили по очереди. Знаете, я ни о чем не жалею. — Он придвинул к Дмитрию пахнущие чесноком пампушки. — Ешьте. Я составлю вам компанию, — он наполнил и свою тарелку. — Так получилось, что у меня не было домработниц. Когда мы с Ниной разбогатели, я предлагал ей нанять горничную, но жена категорически отказывалась. Впрочем, я не возражал. Смысл жизни моей жены — создавать уют в доме. Вот почему без нее мне очень плохо. А тут еще такое несчастье с племянником.

— Так почему вы подозреваете, что его убили? — поинтересовался Лихута. — И есть ли у вас подозреваемые?

Истомин бросил на него хмурый взгляд:

— Давайте сначала поедим. Времени у нас много, еще наговоримся.

— Давайте, — не стал спорить Лихута. Борщ оказался необыкновенно вкусным. За ним последовали запеченная картошка и карп в сметане. Дома у психолога почему-то никогда не готовили карпа. Теперь молодой человек счел это досадным упущением и отметил про себя, что нужно сказать об этом матери.

— Нравится? — спросил Борис Дмитриевич.

— Да, — ответил гость с набитым ртом. Хозяин довольно улыбнулся:

— Я рад.

Покончив с горячими блюдами, мужчины перешли к чаю.

— Вот теперь можно и поговорить. — Борис Дмитриевич придвинул к себе блюдце с медом. — Вы берите мед. Наш, крымский, разнотравье. Покупаю на пасеке, то есть продукт без всяких примесей. Задавайте свои вопросы, молодой человек.

— Почему вы уверены, что он не покончил с собой? — поинтересовался Лихута. — Возможно, вы не все знали о своем племяннике.

Хозяин пожал плечами:

— Такое бывает, однако мы с Витьком были очень близки. Он доверял мне все свои тайны. Вот скажите, из-за чего люди сводят счеты с жизнью? Давайте разберем причины, а потом вы сами сделаете вывод, насколько хорошо я был осведомлен о нем.

Дмитрий кивнул:

— Сначала я хотел бы узнать, каким образом и при каких обстоятельствах он покончил с собой.

Борис Дмитриевич заерзал на стуле.

— Мне больно об этом вспоминать, но давайте я расскажу вам все по порядку. Как вы знаете, я человек небедный. Еще при жизни жены мне удалось приобрести небольшой клочок земли, мыс, окруженный морем, я назвал его Островом — действительно Остров с большой буквы. Мне показалось это романтичным. Для меня мои владения лучше любого острова в Тихом океане, хотя они довольно малы и их можно обойти пешком за один день. Там прекрасный галечный пляж, сосновая роща и крымский лесок. Я построил маленький деревянный домик и приглашаю туда друзей отдохнуть и поудить рыбу. При желании можно даже подстрелить зайца, но только при огромном желании. А теперь про моих друзей, о которых

вы никогда не слышали, но которые стали, как бы это правильнее выразиться, кроме свидетелей, еще и фигурантами этого печального события. Я потом объясню почему, но сначала о них. Итак, у меня четверо близких приятелей, они тоже бизнесмены, члены моей политической партии, которая на последних выборах заняла много мест в местных органах власти. Некоторые из них в ближайшее время собираются баллотироваться в правительственные органы. Ребята всегда с удовольствием составляли мне компанию на Остров. Разумеется, брали с собой и Витю. В тот тихий февральский день мы вшестером отправились в мои владения. Друзья все приготовили для рыбалки. Нам сказали, что пошла кефаль. Еще с утра мне показалось: Витя чем-то встревожен, его настроение не изменилось и на природе, хотя мой мальчик очень любил Остров. Виктора явно что-то беспокоило, и он словно находился в раздумьях, стоит ли делиться со мной своими мыслями именно сейчас. Когда мы с друзьями уже собрались с удочками идти на берег моря, племянник подошел ко мне и сказал:

— Ты слишком доверяешь ему. Этого не следует делать.

— Кому? — поинтересовался я. Витя огляделся:

— Дядя, давай не сейчас. Когда вы вернетесь, я тебе кое-что расскажу. Это очень опасный человек. — Истомин тяжело вздохнул: — Почему-то я не придавал его словам большое значение и теперь корю и ругаю себя за это. Ну что мне стоило не пойти на рыбалку и расспросить парня? Но друзья торопили меня, и я кивнул:

— Хорошо, Витя. Обязательно поговорим.

Мой мальчик как-то жалко улыбнулся и пошел к дому. Я до конца жизни не забуду его улыбку. Больше я не видел его живым.

Глаза мужчины увлажнились, и Борис Дмитриевич промокнул их платком.

— Иногда я думаю: ну почему Господь забрал у меня мою единственную отраду? Единственного близкого и дорогого

человека? Кому теперь нужны эти богатства? — он указал пальцем на дом. — Кому оставлять счет в банке? Фирму? В этом доме никогда не будет звучать детский смех. Я обречен на одиночество. Меня постоянно гложет чувство вины. Его ничем не заглушить, и самое меньшее, что я сейчас могу сделать для Вити, — найти виновника его гибели.

Дмитрий внимательно слушал и не перебивал собеседника. Он знал, как важно ему выговориться.

— Значит, вы отправились на рыбалку...

— Да. — Он снова приложил к глазам платок. — К нашему приходу Виктор с помощью моего сторожа должен был накрыть на стол. Однако, вернувшись, я увидел, что он ничего не сделал, и очень удивился. Такого еще не бывало. Я стал звать его, но мой мальчик не откликнулся. Тогда мы с друзьями прочесали Остров и нашли его. — Борис Дмитриевич нервно глотнул. — Витя висел на дереве. Рядом с ним лежала записка.

Психолог подался вперед:

— Что в ней было написано?

— Я запомнил текст наизусть. — Истомин закрыл глаза и процитировал: — «...Смерть — это утешение человека и его право». Вам о чем-нибудь говорит эта фраза?

— Только то, что автор — известный писатель-фантаст Роберт Шекли, — пояснил Дмитрий. — Впрочем, фраза довольно расхожая, встречающаяся в пособиях по психологии и курсовых работах студентов, изучающих суицид. Но самое печальное, что она ни о чем не говорит. — Он потер переносицу. — Значит, вы нашли его повешенным на дереве. Что же произошло дальше?

Мужчина поежился:

— Я словно выключился из этого мира. Позднее мне рассказали, что это признак глубокого шока. Друзья сами вызвали полицию и «Скорую». Пока над ним хлопотали эксперты, меня уговорили уехать домой. Мне показалось, что я очнулся только после его похорон.

Лихута наклонил голову:

— И тогда у вас появилась мысль, что, возможно, Виктора убили...

— Ему помогли повеситься, — упрямо заявил хозяин. — И сделал это один из четырех моих приятелей. Больше на Острове в тот день никого не было.

— Но они же были с вами на рыбалке, — удивился психолог. — Разве ни у одного нет алиби?

Борис Дмитриевич усмехнулся:

— Рыбалка, молодой человек, для нас — это нечто вроде развлечения. Мы идем на нее, когда нам хочется, и уходим, когда надоедает. Ни один из нас не является заядлым рыбаком, часами просиживающим с удочкой и боящимся пошевелиться или сказать слово. Мы закинули удочки с катера и со старой лодки, валявшейся на берегу, но не сидели как приговоренные. Разумеется, каждый отлучался по надобности. — Он смахнул со лба капли пота. — Мне трудно поверить, что кто-то из них причастен к гибели Виктора, но других соображений у меня нет. Во всяком случае, кто-то из них должен был что-то видеть или слышать.

— Вы поделились своими размышлениями со следователем? — поинтересовался молодой человек.

— Конечно, — вспыхнул Борис Дмитриевич. — Немного придя в себя, я отправился в полицию. — Он скривился: — До сих пор перед глазами стоит эта наглая, разевшаяся рожа. Следователь даже не поговорил со мной как следует, лишь твердил как попугай, что, по заключениям экспертизы, смерть не была насильственной. Впрочем, а что еще он мог говорить? Мои так называемые друзья — люди не бедные, во всяком случае, не беднее меня. Любой из них, если он каким-то образом причастен, мог заплатить, и дело бы закрыли. В общем, я походил по другим инстанциям и нигде не встретил сочувствия и желания помочь. Некоторые мотивировали такое поведение тем, что мой племянник уже покоился в земле и нет никаких причин эксгумировать тело, хотя я и

предлагал за это неплохие деньги. Остается одна надежда на вас. Наш начальник полиции сказал, что разрешит эксгумацию лишь в случае, если отыщутся веские причины. Теперь вы поняли нашу с вами задачу? Во что бы то ни стало эти веские причины отыскать.

Дмитрий дернул плечом:

— А вам не кажется, что вы ставите передо мной непосильную задачу? Я ведь не сыщик, я психолог.

Предприниматель улыбнулся:

— Я об этом уже думал. Инна рассказала мне о ваших уникальных способностях и глубоких знаниях, при помощи которых вы способны уличить человека во лжи. Знаете, после этого у меня в голове родилась одна идея. Что, если нам с вами отправиться на Остров в сопровождении моих друзей? — Он запнулся. — После всего, что произошло, язык не поворачивается называть их друзьями, хотя не хочется верить, что кто-нибудь из них все же причастен к смерти мальчика. Иногда мне кажется, что я напрасно затеял все это. — Он дернулся и поправил себя: — Нет, среди них должен быть тот, про которого мой Витенька что-то узнал и который заткнул ему рот. А если я ошибаюсь в своих предположениях? — Его мысли прыгали, как арабские скакуны. — Если я его не так понял? Но все равно я никогда не поверю, что никто из моих друзей ничего не видел и не слышал. Только почему они молчат?

Лихута посмотрел на него:

— Видите ли, если я обвиню кого-нибудь из ваших приятелей в неискренности, это еще не означает, что он убийца. У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу.

— Вот почему вы должны хорошо продумать свое поведение и те вопросы, которые станете им задавать, — пояснил Истомин. — Я умоляю вас: помогите мне. Так уж получилось, что при моих возможностях мне не к кому больше обратиться.

Лихута развел руками:

— Хорошо, я постараюсь. Дайте мне дня два, чтобы познакомиться с вашим племянником, проглядеть литературу, которую он читал, фильмы, которые он смотрел. Кстати, Витя не вел дневник?

Хозяин покачал головой:

— К сожалению. Но у него осталась записная книжка. Я покажу ее вам.

Психолог отодвинул чашку с чаем:

— Тогда я хотел бы приступить прямо сейчас. Правда, у меня остался всего один вопрос. У Виктора была девушка?

— Они расстались за полмесяца до его смерти. — Голос Бориса Дмитриевича не дрогнул. — Он сам рассказал мне об этом. Я уже говорил, Витя от меня ничего не скрывал.

— Ваш племянник переживал это расставание? — поинтересовался психолог. Истомин махнул рукой:

— Что вы, вовсе нет. Даша никогда ему особо не нравилась. Ее желание выйти замуж за обеспеченного парня и жить сытой и беззаботной жизнью слишком бросалось в глаза. Но не думайте, я не советовал ему ее бросить. Я видел, что представляет собой эта девица, однако не вмешивался в их отношения.

Лихута виновато улыбнулся:

— Что ж, пока вопросов нет.

Борис Дмитриевич решительно встал из-за стола. На его лице было написано удовлетворение.

— Идемте.

Когда они вышли из беседки, солнце закрыли тучи. Начал накрапывать дождь. Легкий морской ветерок шевелил седые волосы на голове хозяина. Лихута почувствовал усталость и зевнул, прикрыв рот рукой. Захотелось прилечь и немного поспать. Хозяин заметил зевок, который гость попытался скрыть.

— В послеобеденное время лучше отдохнуть, — сказал он. — Тем более вы с дороги. Отправляйтесь к себе и поспите. Осмотреть комнату Вити вы сможете и чуть позже, она находится рядом с вашей.

Лихута не возражал:

— Да, пожалуй.

Они вошли в дом.

— Я сам уберу со стола и вымою посуду, — произнес Борис Дмитриевич. Дмитрий выразил готовность помочь, но хозяин замотал головой: — Я все сделаю сам. После смерти Вити лишь дела позволяют мне еще оставаться на плаву. Прошу вас, не лишайте меня этого удовольствия.

Психолог не стал спорить. Он знал: чтобы отвлечься от грустных мыслей, нужно сосредоточиться на какой-нибудь работе.

— Да, я вас понимаю.

— Тогда хорошего отдыха.

Борис Дмитриевич повернулся и отправился в беседку, а Лихута поднялся на второй этаж в свою комнату и прилег на кровать. Его одолевала сонливость, однако сон все не шел, и парень стал размышлять над тем, что услышал от хозяина. И так, его племянник покончил жизнь самоубийством, оставив записку, которая совершенно ни о чем не говорит. Нет, пожалуй, говорит, и в пользу рассуждений безутешного дяди. Самоубийцы редко пишут такие записки. Самые распространенные — это «в моей смерти прошу никого не винить». Правда, если человек тщательно готовит свой уход из жизни, он может подобрать и красивую цитату. Но, судя по всему, этот парень ничего не готовил. Допустим, он и вправду решил свести счеты с жизнью, и дядя не знает причины. Зачем же ехать на Остров? Виктор мог сослаться на занятость, на плохое самочувствие, наконец, на свидание и никуда не поехать, а повеситься дома. Здесь, на участке, сколько угодно подходящих деревьев. Зачем же, любя дядю, заменившего ему отца и мать, вешаться чуть ли не у него на глазах? Это не совсем логично. Впрочем, в суициде порой нет логики. Или просто ее не могут отыскать? Вряд ли... Есть статистика по причинам этих самых суицидов. И она гласит:

кое в чем Истомин прав. Ну не мог Виктор повеситься из-за несчастной любви, даже если и был романтическим юношей. Тот, кто собирается покончить с собой по этой причине, по-другому покидает мир. Эти парни и девушки театрально обставляют свое самоубийство, долго его планируют, продумывают предсмертные записки, и особенно заботятся о том, чтобы после смерти их тела выглядели красиво. Вот почему наиболее частые способы «любовного» самоубийства — самоотравление и перерезание вен. Труп Виктора однозначно привлекательно не смотрелся. Синее лицо, высунутый язык, выпученные глаза... Правда, нередко способы самоубийства, совершенные на почве любовных неудач, копируются из художественной литературы и фильмов. В психологии это явление носит название «Синдром Вертера» — по имени персонажа романа Гете «Страдания молодого Вертера». Недаром этот роман запрещался в Германии около двухсот лет назад. Молодые люди читали книгу и полностью копировали поведение главного героя. Зачастую подобные самоубийства являются способом шантажа и манипуляции объекта любви, попыткой вызвать у него угрызения совести. Вот почему покинувшие мир от несчастной любви пишут совершенно другие предсмертные записки. Они обвиняют во всем своих возлюбленных и сопровождают это фразами типа «Вот я умру, и ты поймешь...». Нет, смерть от любви можно смело исключить. Тем более, как считает японский суицидолог Ямамото Тэй, число самоубийств, совершаемых именно из-за неразделенной любви, особенно велико в возрасте от четырнадцати до шестнадцати и резко сокращается к двадцати пяти годам. Ладно, оставим несчастную любовь. Что же тогда могло стать причиной суицида? Конфликта с родственниками не было. Борис Дмитриевич не лжет. Ничто в разговоре не обличило его в неискренности: ни жесты, ни мимика. Что же тогда? Одиночество? Непонимание? Утрата смысла жизни, как любят выражаться многие, которых удалось вытащить из петли? Но хотя бы что-

нибудь из перечисленных причин должен был заметить его дядя? По его словам, Виктор выглядел не подавленным в тот злополучный день, а, скорее, озабоченным, пытался о чем-то предупредить... В чем же дело?

Глава 6

Суассон — Париж, 561 год н.э.

Фредегонда поселилась у принца Хильперика. Именно к его жене Аудовере, которой требовалась помощница, привезли черноволосую ведьму. Для девушки — так считала только она — ничего не изменилось, хотя многие бы с ней не согласились. Ее одели так, как она никогда еще не одевалась, причесывали по моде, научили читать и писать, доверили детей и порой поверяли секреты. Но этого было мало, она хотела стать королевой — и немедленно, но не становилась и очень сокрушалась, что предсказание ведьмы не сбылось и подаренное кольцо не принесло никакой пользы. Впрочем, пожаловаться на отношение к ней, простой служанке, она не могла. Принцесса Аудовера и три ее сына обожали девушку, и Фредегонда, став ее приближенной и подругой, делала вид, что платила ей такую же любовь, но на самом деле люто ненавидела. Ее хитрый изворотливый мозг работал день и ночь. Она влюбилась в мужественного и красивого принца Хильперика, который иногда — только иногда — оказывал ей знаки внимания, и страдала оттого, что не делит с ним ложе и будущий трон — чертовка не сомневалась, что Хильперик в конце концов станет королем, нужно только дождаться смерти старика. Но женится ли на ней принц? Ну чем, чем эта жалкая принцесса лучше ее? Разве можно сравнить смоляную гриву с мышинными волосами Аудоверы, шуплую фигурку с округлыми формами? К тому же синьора уже не первой свежести, раннее замужество и роды оставили следы на ее лице, кожа пожелтела, покрылась

мелкими морщинами, немного обвисла на шее и подбородке. Неужели он, Он, не видит, какая красавица прислуживает его женошке? Неужели ее низкое происхождение помешает всем честолобивым планам? Как извести Аудоверу и завоевать Хильперика? Как? Подобные размышления несколько не тревожили ее совесть. Фредегонда прекрасно понимала, что стала для синьоры больше чем служанкой, скорее членом ее семьи. Аудовера часто говорила, что девушка похожа на ее сыновей — такая же белая кожа, большие глаза и густые черные волосы. К тому же принцесса, чувствовавшая себя одинокой, когда Хильперик уходил в военные походы вместе с братьями, остро нуждалась в близком человеке. Точнее сказать, в отсутствие мужа она нуждалась в родственной душе больше обычного. В такие дни родовой замок отца Хильперика, короля Хлотаря из династии Меровингов, обычно наполнялся родней: принцессами, королевами, наложницами, и Аудовера, как мышка, лишь мельком показывалась в залах, боясь встречи с родственниками и нахлебниками. Фредегонда, уже давно равнодушно относившаяся к религии и тем не менее посещавшая со своей госпожой мессы (не могла же она сказать о себе правду), на которых пузатый капеллан взывал к праведной жизни, с удивлением узнала, что короли не прочь ввести многоженство: бывало, они женились по несколько раз. Надоевшая супруга просто-напросто удалялась в изгнание, и ее место занимала новая. Иногда бывшие жены возвращались и продолжали жить в замке как ни в чем не бывало. Аудовера с осуждением показывала их своей служанке, но та никак не могла запомнить имен этих многочисленных женищин. Да и стоило ли? Если она станет королевой, король никогда ее не прогонит. Но пока это были мечты. Уложив детей спать, Фредегонда подходила к единственному окошку в комнате принцессы, прислушиваясь к ровному дыханию мальчиков, и, отодвинув кожаный полог, выглядывала на улицу. Город, жужжавший днем как улей, к вечеру начинал стихать. В нос ударял острый запах нечистот, от реки несло сыростью, холодные звезды равнодушно мерцали на

черном небе, горячий летний воздух обволакивал лицо влажной паутиной. Ей хотелось спуститься в город и побродить по узким улицам, но это не одобрялось. До приезда мужчин женщины выходили из дворца только к мессе — этот порядок завел дворцовый управитель, худой, желчный и очень набожный священник. Нет, им не запрещалось показываться на улице — просто порицалось, и этого было достаточно, чтобы все сидели в замке, как пауки в банке. Служанка понимала, что в такие минуты активно плелись интриги, рождались сплетни, но они ее мало волновали. Загибая пальцы, она считала дни до возвращения своего господина, в которого влюбилась как кошка, и надеялась, что они покинут Суассон и уедут на загородную виллу. Но слишком короткими были порой мирные периоды, и женщины, в который раз проводив мужей и любовников на войну, возвращались в муравейник, и тогда служанка и госпожа, дыша благовониями в тесной комнате, вспоминали свежий воздух в Берни, тучных коров на пригорке, сочную изумрудную траву. Однажды, когда женщины в замке бегали в радостном возбуждении — мужчины только вернулись с победой из похода, — гонец принес грустную весть: королю Хлотарю на охоте стало плохо и его привезли на любимую виллу Брей в тяжелом состоянии. Дамы тут же затараторили, что престарелый Хлотарь давно забыл, сколько ему лет, что ему уже месяца три нездоровилось, по утрам мучила лихорадка, сотрясая некогда могучее тело, но он не хотел отказываться от привычек, бесполезно сопротивляясь старости, от которой, как известно, нет лекарств, и ездил на охоту, как и в былые времена, когда был еще молодым и непобедимым. Братья тут же сорвались с места и отправились в Брей, чтобы успеть сказать отцу прощальные слова — он протянул всего три дня. А потом Хильперик удалось захватить парижский трон, и Аудовера — не Фредегонда — стала королевой. Взять город не составило труда, Хильперик просто выдал жалованье солдатам, и они с удовольствием впустили внушительное войско Хильперика.

Из родового замка Меровингов они переехали в парижский, заброшенный: Хлотаря он давно не интересовал. Это было огромное мрачное строение, по коридорам которого гулял ветер. В очагах уже много лет никто не выгребал золу, с окон свисала серая паутина, стены местами покрылись плесенью. Слуги, больше напоминавшие нищих бродяг, за скудные деньги привели его в порядок за несколько дней, точнее сказать, постарались это сделать, и король, вызвав жену и детей, с тоской думал о том, что парижские земли были такими же заброшенными, как и замок. Ну ничего, он исправит положение, лишь бы не помешали братья. От них можно ожидать всего, особенно сейчас, когда земли отца остались без присмотра. В дверь робко постучали, и слуга доложил о приезде королевы. А вскоре Аудовера робко вошла в плохо протопленную комнату в своем парчовом наряде, с многочисленными золотыми украшениями, которые не придавали ей привлекательности, и Хильперик, обративший внимание на ее утиную походку, понял, что жена снова беременна. Король подумал, что по плодовитости ее можно было сравнить с крольчихой, ни одна женщина из его родни не рожала после редкой близости между военными походами, а жены его братьев вообще были бездетны. Аудовера робко и с обожанием посмотрела на мужа, и он поморщился: супруга не выглядела привлекательной и не вызывала восхищения. Желтое одутловатое лицо с мелкими морщинками, тусклые глаза, серые губы, бледные щеки — своим видом она не вызвала в нем никакого желания. И когда рядом с ней показалась соблазнительная молодая женщина, державшая на руках их младшего сына — младенца Хлодвига, — он с удовольствием перевел взгляд на нее.

— Как вы добрались?

Аудовера закашлялась: она робела перед мужем, как в первые дни супружества.

— Спасибо, все хорошо.

Ее покорный тон и овечьи глаза вызвали жалость и презрение, и Хильперик впервые в жизни задумался, а любил ли он ее когда-нибудь? Возможно, что и нет, король даже не

мог вспомнить, какой была Аудовера, когда они поженились, — красива или нет. В памяти возникала расплывчатая фигура в мешковатом платье, с серым пятном вместо лица, и эти воспоминания не доставляли удовольствия. Его величество подумал, что между ними давно ничего нет — он испытывал уважение к супруге как к матери своих детей — и только. А вот эта черноволосая зеленоглазая служанка была даже очень ничего. К ней стоило присмотреться. Она скрасит его серые будни.

— Я распорядился, чтобы вам отвели лучшие комнаты, — буркнул Хильперик и кивнул слуге: — Проводите королеву.

Их провели в прохладные покои, в которых лишь недавно развели огонь, и Фредегонда тут же положила младенца Хлодвига на постель с нагретыми простынями. Аудовера бессильно опустилась на кровать и сложила руки на коленях.

— Мне здесь не нравится, — сказала она, вздохнув. — Скорее всего, я вернусь на виллу. В этом замке мрачно, холодно и неудобно.

Фредегонда вздрогнула. Королева, несомненно, захочет взять ее с собой — и тогда прощай, Хильперик и все ее честолюбивые мечты. А она захочет, можно было не сомневаться. Обязанности служанки — присматривать за детьми, а дети поедут с матерью.

— Я бы на вашем месте не торопилась. — Фредегонда присела на стул и погладила по голове среднего принца Меровея, который тут же забрался к ней на колени. — Вам нужно быть на приемах, которые устроит ваш муж. Здесь много уважаемых и знатных людей, и их нельзя разочаровывать.

Аудовера потянулась и сжала руку служанки:

— Пожалуй, ты права. — Она сняла золотую цепь и дернула шнурок на платье. — Помоги мне раздеться. Я ужасно устала и хочу спать.

Спустив с колен мальчика, Фредегонда помогла госпоже избавиться от одежды и заботливо укрыла ее одеялом.

— *Отдохните, — ласково сказала она. — Надеюсь, утром у вас улучшится настроение.*

Ее величество закрыла глаза и через минуту засопела. Служанка еще немного повозилась со старшим и средним принцами — младенец уже дремал, — и когда королевская семья затихла, подошла к окну и отдернула кожаную занавеску. Стояла глубокая осень. За окном уже кружились первые снежинки, еле видимые в темноте, и Фредегонда не удивилась, когда из этих снежинок вдруг соткалось лицо лесной ведьмы, ехидно улыбавшееся в ночной промозглости.

— Я дала тебе кольцо, а вместе с ним и силу, — заговорила она, — но ты обманула мои ожидания. Ты никак не можешь взять то, что тебе причитается. Иди и возьми — или... — Старуха вдруг захохотала и закачалась за окном, и Фредегонда оглянулась на мальчиков и королеву, испугавшись, что дикие вопли нарушат их покой, но они мирно спали. Когда же она напрягла глаза, стараясь увидеть знакомые очертания, на улице никого не было, и девушка подумала, что все это ей померещилось. Но в словах настоящей или привидевшейся ведьмы она уловила глубокий смысл: Хильперик должен был принадлежать ей. Но как к нему приблизиться, как? Ведь она служанка его детей, а за ним ходят другие. Фредегонда, не раздеваясь, бросилась в прохладную постель, и ее хитрый мозг до утра не давал ей покоя. Но утром она знала, что станет делать.

Глава 7

Крым, наши дни

Несмотря на усталость, Дмитрию так и не удалось уснуть. Он немного поворочался с боку на бок, и сонливость куда-то улетучилась. Мысли о Викторе не давали покоя. Психолог решил осмотреть его комнату. Может быть, ему бросится в глаза то, что ускользнуло от дяди?

Молодой человек встал и отправился в комнату парня. Комната Виктора почти ничем не отличалась от помещения, которое сейчас занимал Дмитрий. Такая же кровать, стол, телевизор, компьютер. На стеллажах пылились книги. Психолог подошел к ним и бережно взял в руки первую попавшуюся. Достоевский, «Преступление и наказание»! Значит, Виктор любил классику. Может быть, рядом стоит «Война и мир»? Психолог не ошибся. Все четыре тома уютно уместились на полке. Пролистав один из них, Дмитрий заметил: Виктор не просто читал книгу, а подчеркивал интересные для него фразы. Следовательно, он пропускал каждую книгу через себя, а не бездумно проглатывал. Классика выполняла для парня свое предназначение: она развивала, заставляла думать. Все шедевры мировой литературы — «Портрет Дориана Грея», «Мастер и Маргарита», «Собор Парижской Богоматери», «Герой нашего времени», «Евгений Онегин», сборник рассказов Рея Брэдбери — все были им тщательно изучены. Чуть поодаль стояли Акунин, Пелевин, Гарле. На нижней полке сгрудились однотомники Пастернака, Пушкина, Лермонтова, Цветаевой и Есенина. Солженицын был затерт до дыр. Рядом с ним находились жизнеописания великих людей и Библия. Лихута потянулся к книге в черном переплете и удивленно присвистнул. Виктор почитывал и философию. Все известные философы — Кант, Ницше, Шопенгауэр, Соловьев — нашли у него приют. Судя по книгам, которые составляли круг чтения племянника Истомина, Виктор был всесторонне развитым человеком, стремившимся к самосовершенствованию. Такой глубокий парень вряд ли покончит с собой. Он соберет все силы и выстоит назло любым невзгодам. Нет, похоже, Борис Дмитриевич прав. Кто-то убил его. И меньше всего хотелось думать, что этот кто-то — близкий друг Истомина. Психолог медленно подошел к письменному столу. Возле компьютера лежал еженедельник в кожаном переплете, и Лихута открыл его. Наверное, это была та

самая записная книжка, о которой говорил дядя молодого человека. В наше время такими еженедельниками мало кто пользуется, есть много электронных заменителей, больше почитаемых молодежью. Виктор в этом вопросе не был исключением. Он успел внести в записную книжку всего лишь несколько событий: обед в кафе с дядей, совет директоров компании, игру в футбол с бывшими однокурсниками. Все эти события показались Дмитрию малозначительными. Он принялся тщательно перелистывать книжечку, но ее страницы сверкали белизной, словно не желая выдать тайну молодого человека. И лишь в самом конце, на светло-коричневом картоне, рука парня вывела непонятный знак — трилистник. Ниже шла колонка цифр: 34345343, 34345365, 34345366. Эти цифры ничего не сказали психологу. Может быть, перед ним номера каких-то телефонов? Лихута сунул книжечку в карман джинсов и выглянул в окно. Борис Дмитриевич расчищал дорожки на участке. Дождь прекратился. Гладкое серое море по-прежнему блестело вдали, как зеркало. Во всем облике Истомина — в его согнутой фигуре, в вялых движениях — не было жизни, задора. Он просто делал то, что нужно делать, когда у тебя гостит человек. Пожилой мужчина утратил смысл жизни, но Лихута был уверен, что уж он-то не покончит с собой. Сейчас Борис Дмитриевич живет, движимый желанием найти и покарать виновных в смерти близкого человека, а потом станет жить ради памяти Виктора. Дмитрий вздохнул и вышел из комнаты, заметив, что в доме стояла тишина, и в этой тишине было что-то жуткое. Огромный дом, готовый вместить в себя не одну семью, никогда не наполнится смехом детей, и неизвестно, что с ним станет после смерти хозяина. Скорее всего, здесь поселятся чужие люди, которые изменят его по своему вкусу. И от Истоминых не останется ничего... Бедный Борис Дмитриевич, он постоянно об этом думает! Дмитрий уже начал спускаться по лестнице, когда зазвонил мобильный. Он достал телефон и взглянул на

дисплей. Юрий Ряшенцев! Именно с ним, следователем из Приморска, они вместе распутывали дело об убийстве Сергея Сергеевича Рыбакова.

— Привет, — сказал майор чуть глуховатым голосом. — Как поживаешь? Куда пропал?

— Привет, — отозвался психолог. — Твой вопрос по меньшей мере странный. Я ведь не обещал тебе звонить каждую неделю. И вообще не помню, чтобы мы договаривались общаться.

— Не договаривались, — согласился Юрий. — Но я надеялся... — Он вдруг рассмеялся: — Ты не догадываешься, зачем я тебе позвонил?

— Понятия не имею, — искренне ответил Лихута, надеясь, что Ряшенцев не попросит снова помогать ему. — Однако поставлю тебя в известность: я на отдыхе.

Юрий хмыкнул:

— Помнится, в Приморск ты тоже приехал на отдых. Я не удивлюсь, если ты занимаешься расследованием какого-нибудь преступления.

Психолог чуть не подавился слюной, услышав его слова. Неужели этот человек тоже в какой-то мере разбирается в психологии?

— Я тебя не спрашиваю, угадал ли, — продолжал Ряшенцев. — Хотя чувствую, что попал в точку. Но не бойся, звоню тебе не затем, чтобы прервать твой отпуск. В моем Багдаде все спокойно. Я хочу тебя поблагодарить за содействие в расследовании. Недавно я получил благодарность от начальства, так что, надеюсь, повышение не за горами. В общем, с меня бутылка.

— Я равнодушен к спиртному, — сказал Дмитрий. — Но за тебя рад. Как Александр?

Он поинтересовался судьбой внука Рыбакова, который оказался убийцей своего деда.

— Саша по-прежнему сидит и ждет суда, — пояснил Юрий. — Он нанял дорожных адвокатов, однако ему не выкрутиться. Инна приходит к нему почти каждый день.

Меня умиляет преданность таких людей, как она. Парень был готов ее уничтожить, а девушка все простила и собирается ждать его возвращения. Я бы на ее месте... — Он запнулся, но психолог догадался, что имел в виду следователь. Теперь Инна, внебрачная дочь Рыбакова, могла претендовать на огромное наследство своего отца, однако не сделала этого. Она заявила Лихуте перед отъездом, что не бросит Сашу в беде, будет навещать его в тюрьме и ждать. Ведь девушка — единственный родной для него человек. Судя по словам Ряшенцева, Инна не нарушила обещания.

— Мне приятно слышать благодарности от тебя, — хмыкнул психолог.

— Ты заслужил их, — ответил Юрий и, сделав паузу, добавил: — Скажи, я угадал? Тебя попросили разобраться в чем-нибудь запутанном?

— Попросили, — признался Дмитрий и, немного подумав, добавил: — Если хочешь отблагодарить меня, помоги. Дело действительно запутанное, и одному мне не справиться.

— Справишься, ты талантливый, — произнес Ряшенцев.

— Возможно, я и талантливый психолог, но все же не следователь, — пояснил Лихута. — Прошу тебя, приезжай. Мне кажется, вдвоем мы быстренько все раскрутим.

— Даже не обсуждается, — буркнул следователь.

— Кстати, я в Крыму, — закинул Дмитрий основной козырь и тут же усмехнулся. Так себе козырь — в марте в Крыму делать нечего. — Живу в доме у моря, у друга Сергея Сергеевича Рыбакова, в точно таком же доме. Приезжай, будь другом.

Юрий, на его удивление, отреагировал так, будто здесь ничего не происходило:

— Крым? Я уже несколько лет мечтаю там побывать.

— Тем более, дружище.

Следователь крикнул:

— А жена? Да если она узнает, куда я собрался, то запрет меня в квартире. От зависти.

— Ты и сам знаешь, что нужно делать, чтобы сбежать от жены по-тихому.

— Знаю-то знаю. — Ряшенцев задумался. — А что я скажу начальству? От него, как от жены, не отвертишься. Полковник обязательно захочет узнать, что понесло меня в Крым.

— Думаю, у тебя и для него найдутся аргументы, — заметил психолог. Молодой человек чувствовал: полдела сделано. Авантюрист и карьерист Юрий поедет куда угодно, хоть в самую «горячую точку», если унюхает выгоду для себя.

— А что за дело? — спросил Ряшенцев. В его голосе послышался интерес, и психолог чуть не заплодировал.

— У приятеля Сергея Сергеевича повесился племянник. Полиция вынесла вердикт — самоубийство. Но дядя не верит.

— И мечтает, чтобы нашли того, кто помог ему это сделать, — закончил за него следователь и громко зевнул. — Слушай, мой тебе совет: бросай это дело и уезжай, но предварительно насладись крымскими пейзажами. Послушай приятеля. На моей памяти много подобных случаев. Родные никогда не верят, что их близкие действительно покончили жизнь самоубийством. Тебе, наверное, понятно почему. Когда говорят, что кто-то из твоих детей или племянников свел счеты с жизнью, ты чувствуешь вину. Дорогой и любимый захотел уйти из нашего мира — значит, ты что-то недосмотрел, чего-то не понял, что-то недодал. Желание найти так называемого виновника их гибели — это в какой-то мере реабилитация самих себя.

— И на твоей памяти никогда не было случая, чтобы самоубийство оказалось убийством? — спросил психолог.

— Было, — признался следователь, — но один на десяток.

— А вдруг это именно такая ситуация? — бросил Лихута. — Знаешь, лучше постараться помочь несчастному дяде — пусть даже вердикт полиции подтвердится. Чем

не помочь ничем, дать убийце почувствовать себя в безопасности и потом сожалеть об этом.

Юрий шелкнул пальцами, и Дмитрий вздрогнул от этого звука, резанувшего уши.

— Ладно, твоя взяла. Сейчас побегу за билетом.

— А как же начальство? — усмехнулся Дмитрий.

— А начальство обещало мне бутылку, — похвастался следователь. — Его, в отличие от меня, наградили сразу. Вот вместо бутылки, которую, я думаю, мы купим сами, пусть отпустит на несколько дней в отпуск. И ему вовсе не обязательно знать, куда я рвану.

— Здорово, — восхитился Лихута его находчивости. — Ну, так я жду твоего звонка?

— И дождешься, — пообещал Юрий и отключился. Психолог стал медленно спускаться по лестнице. В голове вертелись разные мысли. Правильно ли он сделал, что пригласил Ряшенцева? Как на это посмотрит Борис Дмитриевич? Возможно, предприниматель не захочет, чтобы еще один человек гостил в его доме... Но зачем же мучиться? Лучше всего выяснить это прямо сейчас.

Лихута вышел из дома. Истомин уже закончил работу на участке и отдыхал в беседке. Психолог с удовольствием вдохнул целебный крымский воздух, отметив про себя, что он напоен запахом сосны, кипариса и еще каких-то неизвестных ему растений. И это в марте месяце! Нет, что ни говори, а Крым — божественное место. Хозяин дома услышал скрип камешков под ногами гостя и обернулся. Губы растянулись в улыбке, но большие серые глаза в обрамлении мелких морщинок оставались печальными.

— Вы уже отдохнули? Хотите чаю?

— Не откажусь, — признался психолог. — Но сначала мне нужно поговорить с вами.

Мужчина заинтересованно взглянул на него:

— У вас появились какие-то мысли? Вы осмотрели комнату Вити?

Молодой человек наклонил голову: